
Алексей Колесников

Наполовину звери

Рассказы

Осень — тёмная даль

Русская осень девяносто второго была сырой. Всюду грязь и всюду слякоть.

В парке пахло почвой, улитками, прелым мхом, гнилой травкой и псиной.

Он брел одиноко по узкой дорожке, ступая на сухие камни. Вязаный коричневый шарф слетал с плеча, рискуя раскрутиться совершенно и нырнуть под ноги. Мама увлеклась, и шарф получился излишне длинным. Он пожалел ее труд — предложил не распускать лишнее.

Пройдены парк и улица за паком. Пройден переулок, заждавшийся пробуждения фонарей. До дома меньше километра, а километр — это четыре круга на старом школьном стадионе. Последний круг — самый мучительный, за него всю душу приходилось отдавать.

Стройка, уродливая, серая, замершая на пике. На кирпичной стене будущей школы желтый Ленин с черным ирокезом. Крыши еще нет, будто ветром унесло куда-то.

Шприцы, пакеты, бумага в грязных разводах. Вывернутая куртка с раскинутыми рукавами лежит в грязи, будто распятая. Кажется, еще новая совсем. Размер детский.

Он стрельнул окурком в кучу песка и приподнял плащ. Портфель прижал к груди для равновесия. Огибая лужи, он расставил руки, как в танце.

Стемнело надежно до самого утра. Пожелтели окна панельного дома. Одно из окон — его. Пять минут и дома.

— А ну-ка стой! Стой, я тебе сказал! Ишь ты, не оборачивается даже!

Он дернулся всем телом и наступил на хвост шарфа, другой конец которого сдавил горло, как змея. За бетономешалкой, не очень-то далеко, стояли двое кентавров. Тяжелые, с толстыми шеями и густыми гривами. Качнувшись, они пришли в движение. Под копытами хрустело стекло, и сумеречный воздух над их головами становился чуть прозрачнее. Это пар, покидающий мощные пасти.

Нечего ждать и надеяться не на что. Бежать нужно, чтобы жить. Без оглядки бежать к дому сквозь оседающую ночь. Спасаться, пока есть фора в триста шагов.

Колесников Алексей Юрьевич родился в 1993 году в Белгороде. Образование высшее юридическое. Печатался в журналах «Новая Юность», «Новый Берег», «Нева», «Урал» и др. Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 3.

Петляя, он бежал вдоль стройки, куда-то в темень. Пекло в груди и кипело под шляпой. Он бежал и давился теплой слюной. Бежал, цеплялся плащом о торчащую арматуру; драл польские ботинки, купленные к первому сентября на отпускные.

Кентавры нагнали бы его давным-давно, только им сложнее: они не знали пути. А он знал. Уже два года, каждый будний день, он возвращался домой через спящую стройку.

— Поломаем! Стой, сволочь! Гадость в шляпе! Сейчас я тебе... слышишь, Боря, сейчас мы ему...

Дыхание споткнулось. Стало тошно от усталости и страха. Догонят и убьют. Сожрут или затопчут ради минутного веселья. Если не до смерти, то почти до нее.

Спасение!

Он нырнул в окно пристройки (будущий тир), свалился на мокрую стекловату и замер, прислушиваясь к топоту.

Растерянные кентавры остановились у окна, уперлись друг в друга и стали дышать. Казалось, что весь воздух в округе ноздрями вытянут. А он, скрюченный, лежал через стенку от них в темноте и радовался. Радовался так, как радовался бы младенец собственному рождению, если бы чувствовал что-то, кроме мокрого холода и страха.

Стекловата терзала кожу, плащ шелестел, но он почти умер, чтобы воскреснуть, когда кентавры ускачут прочь. Наблюдая за ними в щель, он заметил, что кентавры — обычные парни, такие же, как его студенты-второкурсники. Знакомый нагловатый вид и джинсы такие же. Морды только слишком шерстяные, и шерсть эта отдает синевой, как окрашенная.

Один, тот что кудрявый, плюнул какой-то слизью, стер губы рукавом и сказал на выдохе:

— Упустили, блин! В дыру ушел. Чем теперь Мухтара кормить?

Второй, несколько неуклюжий из-за выпирающего живота, ответил:

— Там ребра со вчерашнего остались. Ничего. Протянет до утра. Будет день и будет пища.

Первый кивнул, одернул кожаную куртку и пошел к дыре в заборе. Она подсвечивалась светом оживших фонарей. Второй, подтянув шнурки, побрел следом.

Хорошо было смотреть им вслед, осознавая, что звери они только наполовину, а поэтому выслеживать жертву по запаху не способны. Большая удача, в общем. Чудо почти.

Русская осень девяносто второго года заканчивалась. Ноябрь ее был сырой.

Собачьи слезы

Я очень боялся Наполеона. Мы с ним были почти ровесниками, и так случилось, что в нашем совместном детстве не обошлось без конфликта. Виноват был я, и Наполеон — семимесячный сенбернар — заслуженно вцепился мне в горло. Моей жизни ничто не угрожало, но перетрухал я серьезно. Помню, что Наполеон был тяжелым, и из его теплой пасти пахло сладким, кашей, наверное.

С тех пор я скрывал свой страх. Я гладил пса, кормил, даже пробовал дрессировать, но подспудно ощущал тревогу. Наполеон смотрел на меня черными глазами и чувствовал, видимо, вину за мой испуг.

Шли годы. Я рос, а Наполеон старел. У собак, особенно у породистых, короткий век. Я напитывался силами, а Наполеон силы терял, не доедая кашу.

В июне Наполеон заболел. Он вовсе отказывался от еды, много спал и как-то неловко, словно старик, ходил по вольеру. Было решено отвести его к ветеринару.

Наполеон занял место за водителем, а я уселся рядом с ним. Наполеон боялся поездки, а я Наполеона. Черная пасть, все время открытая, дрожала перед моим лицом, и был опять этот запах. Я смотрел на острые клыки и вспоминал детские слезы, когда молодой еще отец в порыве ярости избивал ногами Наполеона за домом, наказывая его за сыновью обиду. Я плакал тогда не от боли, а от жалости к своему обидчику — удивительное чувство.

Ветеринар в зеленой растянутой олимпийке долго мял шкуру Наполеона, щупал нос, трогал бока, а потом попросил затащить пса на высокий операционный стол. Было нелегко — Наполеон весил около пятидесяти килограммов, но мы справились. Наполеон же, оказавшись на такой высоте, струсил, забыв о своей болезни. Он прижался к столу, скрестил гигантские мохнатые лапы и замер. На всякий случай я держал его за лапу и чувствовал, как где-то там, под рыжей шубой, стучит больное собачье сердце.

Ветеринар кривыми ножницами подстриг шерсть на передней лапе Наполеона, и я увидел нечто трогательное — собачью вену. Оказывается, у собак тоже бывают вены.

Ветеринар, пощучивая, поставил Наполеону капельницу и ушел курить. А я сидел с псом и удивлялся происходящему.

— Клещи его одолели. Раньше обрабатывали деревья, а теперь никому нет дела, понял?

Я кивнул.

— Я его прокапал, к вечеру должен отойти.

— Так нормально все, значит? — спросил я.

— Да. Все хорошо.

Ветеринар соврал, потому что Наполеон сдох к утру.

Вначале он, как и ожидалось, повеселел и даже, будто щенок, принял миску молока. Я успокоился и ушел заниматься своими делами.

К вечеру, громче песен соловья, Наполеон стал чудовищно выть. Так плачут дети на прививках. Непрекращающийся душераздирающий собачий вой был слышен на весь сонный поселок. Казалось, что этот плач отражается от звезд и потому становится объемнее и глубже. Не понимая, как уснуть, я вышел во двор, передвинул старое кресло к вольеру Наполеона и обосновался там. При мне пес выл тише. Стеснялся, видимо.

Я сидел возле Наполеона в драном кресле всю ночь и размышлял. Тем летом заканчивалось мое детство. Осенью начнется первый курс университета и то, что называется взрослой жизнью.

Наполеон иногда замолкал, и я думал, что уже конец, но вскоре он вновь заводил свою похоронную. Ругая самого себя за сентиментальность, я терпеливо ждал не то утра, не то последнего вздоха гигантской парализованной собаки.

С рассветом, мужественно пережив двухчасовую агонию, Наполеон испустил дух. Надрываясь, я погрузил собачий труп в гнилую тачку, отвез его в лес и закопал под дубом. В тачке Наполеон лежал, как избитый хулиганами пьянчуга, и его пушистый рыжий хвост попадал под резиновое колесо тачки. Я зарыл очень глубоко, чтобы лисы не смогли растащить его мясо по всему поселку.

С тех пор я совсем не боюсь собак, потому что сам я наполовину собака. Еще немного, и человеческого во мне ничего не останется. Когда мне страшно — я рычу, когда заискиваю — виляю хвостом. Я даже укусить могу, если понадобится.

И все же мне часто снится сон о том, что я был человеком. То последнее лето, когда я чесал ухо Наполеона, а он жался мордой к столу и царапал его когтями. Ветеринар состриг шерсть, а там вена. Синяя, мягкая и дрожит. У меня на ноге такая же.